
ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

УДК 343.2

DOI 10.24147/2542-1514.2018.2(4).98-105

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ КАТЕГОРИИ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

О.Н. Бибик

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

07 октября 2018 г.

Дата принятия в печать –

14 декабря 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 января 2019 г.

Ключевые слова

Экономический подход,
уголовное право, теория
рационального выбора,
управление рисками,
преступное невежество,
встречная вина, заранее
обдуманый умысел

Анализируется категория вины с учетом экономического подхода и теории рационального выбора. Отмечается необходимость управления рисками в целях предупреждения преступлений: в процессе криминализации риски должны оптимально распределяться между государством, устанавливающим уголовно-правовые запреты, и гражданами, соблюдающими данные запреты, а также между потенциальным преступником и жертвой. Доказывается необходимость внедрения новых форм вины (например, преступного невежества), учета вины потерпевшего, который своим поведением способствовал совершению преступления. Обосновывается, что наличие заранее обдуманного умысла, серьезно осложняющего раскрытие преступлений, должно рассматриваться как основание для применения более суровых санкций.

CATEGORY OF GUILT IN CRIMINAL LAW: ECONOMIC APPROACH

Oleg N. Bibik

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 October 07

Accepted – 2018 December 14

Available online – 2019 January 20

Keywords

Economic approach, criminal law,
rational choice theory, risk
management, criminal ignorance,
counter guilt, premeditated intent

The subject of the paper is guilt as criminal legal category.

The main aim of the paper is to confirm or disprove the hypothesis that there is a need for risk management in order to prevent crime.

The description of methodology. The author uses economic approach and the theory of rational choice as well as the dialectic and formal-legal methodology.

The main results and scope of their application. The greater the probability of socially dangerous consequences of actions, the greater the risk, the greater the degree of guilt of the subject and the degree of danger of the crime. In criminalization the risks should be optimally distributed between the state (installs criminal prohibitions) and the citizens (complying with those prohibitions), as well as between the potential offender and the victim. It is necessary to quantify the risk of socially dangerous consequences (for example, as a percentage) for each form of guilt. This will make it possible to streamline and develop forms of guilt, to correlate specific types of guilt with specific crimes in terms of the risks that the crime carries. New forms of guilt, in particular criminal ignorance, need to be introduced. Unlike negligence, which is difficult to control, ignorance, as well as competence, can be fully controlled. It is necessary to take into account the guilt of the victim, who by his behavior contributed to the crime. If the victim has not taken all precautions (the more provoked the offender) - he must share the overall result, bear the risk of socially dangerous consequences. If there is a violation of the rules of conduct by the offender and the victim, the court should have the right to substantially mitigate the punishment or to refuse to apply it at all, taking into account the nature and extent of the violations committed by each

party. For example, with regard to crimes of minor gravity when the victim provoking a crime, failure to take precautions should provide for mandatory exemption from criminal liability with compensation for harm in civil law. Premeditated intent seriously complicates the disclosure of crimes. This intent should be seen as a basis for more severe sanctions. The results of research may be used as the basis of correction of the criminal legislation. It is concluded that any form of guilt in any legal system is based on an assessment of the risks of negative consequences.

1. Введение

В научной литературе предлагается учитывать экономический подход при рассмотрении института вины [1, р. 199–210]. По мнению Р. Познера, понятие намерения, используемое для определения одной из форм вины в англо-американском уголовном праве, выполняет три экономические функции: идентификация чистых принудительных трансфертов, оценка вероятности задержания и признания виновным, определение эффективности (экономической обоснованности) применения уголовного наказания как средства контроля за нежелательным поведением [2, р. 1221].

В рамках указанных выше функций реализуют себя практически все формы вины как в англо-американском, так и в романо-германском праве, что делает весьма продуктивным экономический подход при их изучении. Виновность является неотъемлемым признаком преступления, конкретные формы вины используются для разграничения преступных и не преступных деяний. И в этом плане вина действительно помогает идентифицировать чистые принудительные трансферты, к числу которых относятся преступления.

Учение о вине аргументированно связывается также с эффективностью предупреждения преступлений и строгостью уголовного наказания. Так, разница в общественной опасности между умышленными и неосторожными деяниями обусловлена различной вероятностью причинения вредных последствий [3, с. 22]. Чем с большей обдуманностью действует человек, тем больше шансов на достижение преступного результата и тем сложнее правоохранительным органам обнаружить совершенное деяние. А потому в целях сдерживания таких преступников следует наказывать более строго за преднамеренное причинение, а также за причинение с высокой степенью безрассудства, тогда как непреднамеренное причинение, совершение деяния в состоянии аффекта может наказываться сравнительно менее строго [2, р. 1222]. Кроме того, эластичность предложения умышленных и неосторожных деяний серь-

езно различается в зависимости от строгости наказания. Так, верно отмечено, что степень криминогенности ситуации при неосторожных преступлениях значительно выше, чем при умышленных преступлениях. В неосторожных, зачастую ситуативных деяниях наступившие последствия не во всех случаях зависят от воли и «качества» поведения субъекта. При умышленных преступлениях угроза наказания является более серьезным контрфактором [4, с. 18–19, 24, 31]. Отсюда угроза наказанием менее эффективна в отношении неосторожных деяний, в меньшей степени сокращает их предложение.

Игнорирование института вины существенно уменьшает действенность уголовной репрессии. К примеру, если человек допускает ошибку при попытке совершить запрещенное уголовным правом деяние (в частности, убийство при помощи куклы вуду) и его наказание не предотвращает какое-либо преступление в действительности, то применение уголовной репрессии не будет социально полезным [2, р. 1218]. Не требует особых доказательств и тезис о том, что применение уголовного наказания без учета формы вины также существенно снизит эффективность социального обмена соответствующими антиблагами. Поскольку осуществляется дифференциация уголовных наказаний, постольку требуется дифференцированная оценка совершаемых преступлений, и институт вины играет в этом случае не последнюю роль.

Нормативное и доктринальное понимание вины по большей части является вполне оптимальным. Вместе с тем есть немало перспективных направлений совершенствования данного института, повышения его эффективности, в том числе с учетом теории рационального выбора, экономического подхода.

2. Управление рисками в целях предупреждения преступлений

В сущности, любая форма вины в любой правовой системе опирается на оценку рисков наступления негативных последствий. К примеру, в российском уголовном праве наличие прямого умысла

предполагает, что лицо предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий [5; 6], тогда как при косвенном умысле преступник предвидит только возможность их наступления [7; 8], при легкомыслии человек рассчитывает на некие обстоятельства (пусть и самонадеянно), которые позволят избежать наступления последствий [9; 10]. При небрежности субъект и вовсе не знает, что есть риск наступления указанных последствий [11; 12]. Как отмечают ученые, лицо, проявляющее небрежность, налагает на других чрезмерные риски [1, р. 456]. То есть чем больше предвидимая человеком вероятность наступления общественно опасных последствий ввиду совершения им деяния, чем больше риск, тем больше степень вины субъекта (соответственно и степень опасности преступления).

В экономической теории есть целое направление, посвященное управлению рисками. Накопленные в нем знания вполне могут использоваться при определении признаков конкретных форм вины. Задача состоит не в том, чтобы вовсе исключить риски, а в том, чтобы был достигнут эффективный уровень соблюдения мер предосторожности, эффективный уровень риска [13, р. 197]. Законодатель и правоприменитель в состоянии учитывать названные обстоятельства при выработке форм вины, их признаков и реализации соответствующих норм уголовного права.

В процессе криминализации риски должны оптимально распределяться между: 1) субъектом, устанавливающим уголовно-правовой запрет, осуществляющим применение уголовной репрессии (государство), и субъектом, который данный запрет будет соблюдать (гражданин); 2) между потенциальным преступником и жертвой.

В частности, при закреплении признаков форм вины на индивида могут возлагаться риски, связанные с необходимостью соблюдения дополнительных мер предосторожности во избежание нарушения уголовного запрета. Так, если уголовный закон требует осознания возраста потерпевшего, потенциальный преступник не будет иметь стимулов для того, чтобы выяснить необходимую информацию, избежав тем самым совершения подобных деяний [14, р. 27; 2, р. 1222]. Если же закон при установлении уголовного запрета будет исходить из необходимости соблюдать дополнительные меры предосторожности в поведении, что предполагает выяснение возраста потерпевшего, то такая норма будет стимулировать потенциального преступника исполнять уста-

новленные правила поведения, перестраховываться при принятии решения.

Предложенный выше подход может применяться, в частности, при введении уголовного запрета на половое сношение с лицом, не достигшим установленного в законе минимального возраста. В этом случае уголовная репрессия может применяться независимо от осознания виновным возраста потерпевшего, что поможет предупредить совершение таких деяний при небольших затратах на превентивные меры со стороны добропорядочного гражданина, которому вполне по силам более тщательно выбирать себе сексуальных партнеров. Аналогичным образом обстоит дело в отношении запрета на продажу алкоголя подросткам.

Создавая подобные уголовные запреты, мы, с одной стороны, требуем от человека быть более осторожным в поведении, снижая стандарты доказывания наличия состава преступления (в приведенном выше примере не требуя осознания возраста жертвы), с другой стороны, повышаем степень защищенности общества, более эффективно предотвращая совершение преступлений.

Значительный интерес для уголовного права представляет количественный расчет степени риска наступления общественно опасных последствий (например, в процентном отношении) применительно к каждой форме вины, ее разновидности, что позволит: 1) упорядочить дифференциацию форм вины, развивать ее в дальнейшем, не ограничиваясь сегодняшними двумя основными формами (умысел и неосторожность); 2) с должным научным обоснованием «привязать» конкретные разновидности вины к конкретным составам преступлений с точки зрения тех рисков, которые несет совершение соответствующего деяния, что позволит более эффективно его предотвращать. Например, в отношении прямого умысла коэффициент риска наступления последствий может составить 95–100 %, в отношении косвенного умысла – 50–95 %, в отношении легкомыслия – 1–49 % (при легкомыслии человек хотя и предвидит возможность наступления событий, но самонадеянно рассчитывает, что они не наступят; поэтому он оценивает вероятность меньше, нежели 50 на 50), в отношении небрежности – 0,1–1 %. Если риск события составляет менее 0,1 % или среднестатистической величины, отражающей его случайный характер, то можно сделать выводы о наличии казуса. Безусловно, предложенная шкала риска требует дополнительной аргументации, в том числе при помощи теории вероятностей.

В процессе криминализации мы определяем форму вины, оценивая адекватно степень риска с учетом ценности объекта, специфики объективной стороны и субъекта преступления. Так, если речь идет о жизни человека, то вполне адекватным представляется запрет на причинение смерти не только умышленно, но и по неосторожности (в том числе при наличии как легкомыслия, так и небрежности). Даже самый минимальный риск при угрозе жизни человека (свыше 0,1 %) должен быть исключен. Если речь идет о причинении имущественного ущерба, то в данном случае возможно допустить больший риск наступления последствий (более 49 %), криминализовав деяния, совершенные умышленно.

3. Внедрение новых форм вины

Актуальной является задача обновления учения о вине с учетом усложняющихся общественных отношений, научно-технического прогресса. Управление рисками предполагает, что модель формы вины должна быть адекватной тем отношениям, к которым она применяется. В противном случае эффективность названного института закономерно уменьшится. В этой связи могут быть рассмотрены предложения относительно использования новых форм вины в уголовном праве.

3.1. Преступное невежество

Одной из перспективных представляется идея использования формы вины в виде преступного невежества. Указанное невежество предполагает, что лицо не усвоило знания, которые оно должно было и имело возможность усвоить, в результате чего совершило преступление.

В отличие от небрежности, которую достаточно сложно контролировать, невежество, как и компетентность, поддаются полному контролю! Преступное невежество обоснованно характеризуется как имеющее предельную общественную опасность с учетом повышенного риска наступления последствий. М.С. Гринберг, сравнивая невежество и небрежность, писал: «Если небрежность – явление ситуативное, в известной мере случайное (в той же ситуации растерянности, потери бдительности могло не быть), то невежество ведет к просчету с неизбежностью — рано или поздно события, о которых шла речь, должны были произойти» [15, с. 77]. При рассмотрении указанного вопроса следует учитывать не только невежество самого причинителя,

но и вину других лиц за комплектование социотехнических и иных систем таким негодным персоналом [15, с. 77, 79].

Насколько эффективно противодействует государство совершению преступлений, если не учитывает указанные выше доводы? Проиллюстрируем поставленный вопрос гипотетическим примером. Допущены нарушения в работе социотехнической системы вследствие несоблюдения правил ее эксплуатации, в результате чего погибли люди. Правила были нарушены ввиду некомпетентности персонала, не обладавшего знаниями, необходимыми для принятия решения. Вменить сотрудникам наличие небрежности нет оснований, учитывая хотя бы то обстоятельство, что они объективно не имели возможности предвидеть наступление последствий. При этом лица, допустившие некомпетентных специалистов к управлению системой, также не понесут уголовную ответственность – их поступки с учетом современного понимания вины и отсутствия категории неосторожного сопричинения в уголовном законе не будут признаны преступными. Так, было отказано в возбуждении уголовного дела в отношении лица, ответственного за организацию полетов, по материалам проверки сообщения о преступлении, признаки состава которого предусмотрены ст. 351 УК РФ, в связи с аварией самолета. Причинами аварии явились в том числе непринятие мер к предотвращению нарушений в комплектовании экипажа воздушного разведчика погоды; отсутствие принципиальности и личная недисциплинированность, выразившиеся в передаче управления самолетом лицу, не имеющему допуска к полетам на данном типе воздушных судов; выполнение фигуры высшего пилотажа экипажем, не обладающим необходимыми теоретическими знаниями и практическими навыками¹. Другой пример - на должность временно исполняющего обязанности командира мотострелкового взвода был назначен лейтенант медицинской службы Б., который не обладал достаточными знаниями и по своему назначению был некомпетентен исполнять обязанности командира мотострелкового взвода, в том числе при проведении боевых стрельб и ротных тактических учений. При этом лейтенант Б. был допущен к ротным тактическим учениям без проведения с ним контрольных занятий и занятий по управлению огнем подразделения. В ходе боевых

¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) // СПС «Консультант Плюс».

стрельб Б. после получения команды проверить оружие на разряженность у личного состава ввиду своей некомпетентности и отсутствия необходимых знаний в устройстве вооружения и порядке действий при вооружении и разряжении оружия не убедился в разряженности пулемета на БТР-е 80. Рядовой Ж., являясь наводчиком БТР 80, после прекращения ведения огня оружие не разрядил, не убедился в разряженности оружия и не доложил командиру отделения о разряженности оружия, т.е. нарушил правила обращения с оружием. В результате при демонстраже пулемета потерпевшему вследствие непроизвольного выстрела был причинен тяжкий вред здоровью. Уголовное дело было возбуждено лишь в отношении наводчика БТР Ж.2. Риски, связанные с упущениями в регулировании процесса управления социотехнической системой, в указанном случае возлагаются исключительно на общество.

Даже с учетом того обстоятельства, что уголовная репрессия не является панацеей и средством решения проблемы, позиция законодателя в отношении криминализации невежества, представляется неэффективной. У соответствующих субъектов практически нет отрицательных стимулов избежать причинения общественно опасных последствий. Вместе с тем уголовный закон должен стимулировать кооперативное поведение всех участников общественных отношений по предотвращению совершения подобных деяний.

В этой связи требуется предусмотреть не только дифференцированное применение уголовной репрессии с учетом признаков невежества, в том числе оценивая вероятность риска наступления последствий (по всей видимости, она близка к вероятности последствий при косвенном умысле), но и возможность использования уголовной репрессии в отношении субъектов, допустивших некомпетентных людей к соответствующей деятельности.

Аналогичные правила должны применяться как в отношении лиц, задействованных в эксплуатации социотехнических систем, так и субъектов, принимающих управленческие решения в органах власти всех уровней, организациях, контролируемых государством, местным самоуправлением (прежде всего, высших должностных лиц, топ-менеджеров).

3.2. Встречная вина

Необходимо учитывать вину потерпевшего, который своим поведением способствовал совершению преступления. В результате применения экономического подхода в деликтном праве было доказано, что стратегия взаимной предосторожности (Bilateral Precaution) более продуктивна, поскольку заставляет как виновного, так и потерпевшего принимать все необходимые меры во избежание причинения вреда [1, р. 204–205, 212]. Неэффективно возлагать ответственность только на виновное лицо, если потерпевший не предпринял необходимых мер предосторожности [13, р. 293–294].

В отечественной науке уже высказано предложение относительно учета вины потерпевшего, его виктимного поведения в рамках концепции взаимной вины при взаимном причинении вреда или ущерба [3, с. 4]. Помимо этого, следует принимать во внимание при назначении наказания и провокацию со стороны потерпевшего. Указанная мера будет стимулировать потенциальную жертву не совершать провоцирующих действий, поскольку ею будет учитываться большая вероятность стать потерпевшим ввиду смягчения грозящего потенциальному преступнику уголовного наказания [14, р. 31–32]. Аналогичным образом следует решать вопрос и в том случае, когда потерпевший допустил нарушения установленных правил, что повлекло совершение неосторожного деяния и причинение ему же вреда или ущерба (например, и потерпевший, и водитель автомобиля нарушили правила дорожного движения, что повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего).

Если потерпевший не предпринял все меры предосторожности, тем более спровоцировал преступника – он должен разделить общий результат, нести риски наступления общественно опасных последствий. Если имеет место нарушение установленных правил поведения с обеих сторон, то суд должен иметь право существенно уменьшить объем применяемой уголовной репрессии или вовсе отказаться от ее использования с учетом характера и степени допущенных каждой стороной нарушений. Например, в отношении преступлений небольшой тяжести при провокации преступления, непринятии мер

² См.: Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 16.10.2014 по делу № 33-8284/2014 // СПС «Консультант Плюс»; приговор Новосибирского гарнизонного военного суда по делу № 28-2011 г. от 5 апреля 2011

года. URL: <https://rospravosudie.com/court-novosibirskij-garnizonnyj-voennyj-sud-novosibirskaya-oblast-s/act-106086359/> (дата обращения: 17.11.2018)).

предосторожности потерпевшим возможно предусмотреть императивное освобождение от уголовной ответственности с возмещением вреда в гражданско-правовом порядке. В отношении прочих категорий преступлений по усмотрению суда в такой ситуации возможно существенное смягчение уголовного наказания.

3.3. Заранее обдуманый умысел

В уголовном праве России, в отличие от ряда зарубежных стран, не имеет значения тот факт, когда возник умысел на совершение преступления – непосредственно перед ним или задолго до этого события. То есть фактически уравниваются в плане возможного наказания лица, совершившие преступление спонтанно, и преступники, долго готовившие деяние, обдумывавшие возможные последствия, сподобившие избежать уголовной ответственности.

В зарубежном праве встречаются другие подходы к решению проблемы. Например, во Франции преднамеренное убийство (ст. 221-3 УК Франции) наказывается пожизненным заключением, тогда как простое убийство без заранее обдуманного умысла (221-1) влечет применение уголовного заключения сроком 30 лет³. Представляется, что зарубежное уголовное право, в котором заранее обдуманый умысел усиливает уголовную ответственность, имеет большую эффективность.

Очевидно, что шансы раскрыть преступление существенно различаются не в пользу деяний, совершенных с заранее обдуманным умыслом. Согласно определению Р. Познера, преступное намерение

есть намерение получить запрещенный объект, инвестируя ресурсы в достижение этой цели [2, р. 1221]. Очевидно, что эти «инвестиции» (в виде потраченных на приготовление к преступлению времени, денежных средств, других материальных ресурсов и т. п.) в предложенной выше модели вообще не учитываются российским законодателем, что делает обмен наказания на такое преступление неравноценным.

Целесообразным представляется дифференцировать уголовно-правовые запреты в отношении наиболее распространенных и наиболее опасных преступлений с учетом момента возникновения умысла (например, в отношении убийства, причинения тяжкого вреда здоровью, кражи, грабежа, разбоя), и в случае если имел место заранее обдуманый умысел – применять более суровые санкции.

4. Выводы

Таким образом, любая форма вины в любой правовой системе основывается на оценке рисков негативных последствий. Но направления совершенствования учения о вине при помощи теории рационального выбора не исчерпываются названными выше проблемами. Задача науки уголовного права состоит в том, чтобы при помощи экономического подхода изменить стереотипное восприятие вины как набора признаков, предусмотренных в законе. Институт вины должен использоваться не столько в прикладных целях квалификации преступлений, сколько для повышения эффективности уголовно-правового регулирования посредством установления оптимальных уголовно-правовых запретов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cooter R. Law and economics / R. Cooter, T. Ulen. 6th ed. – New York: Prentice Hall, 2011. – 576 p.
2. Posner R.A. An Economic Theory of the Criminal Law / R.A. Posner // Columbia Law Review. – 1985. – Vol. 85. – № 6. – P. 1193–1231.
3. Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности в сфере взаимодействия человека и техники: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / М.С. Гринберг. – Свердловск, 1973. – 34 с.
4. Кваши В.Е. Преступная неосторожность (криминологические проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.Е. Кваши // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1967–2014 гг.). – СПб.: Юридический центр, 2015. – 1040 с.
5. Соктоев З.Б. Причинность и объективная сторона преступления: монография / З.Б. Соктоев. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. – 256 с.
6. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / В.П. Верин, С.А. Ворожцов, В.В. Демидов и др.; под ред. В.М. Лебедева. – М.: НОРМА, 2005. – 928 с.

³ См.: Уголовный кодекс Франции. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 170–171.

7. Ширяев А.Ю. Косвенный умысел: правовая оценка и доказывание / А.Ю. Ширяев // *Законность*. 2016. – № 12. – С. 42–45.
8. Гладких В.И. Приглашение к дискуссии: все ли нас устраивает в современных формах вины и практике их применения? / В.И. Гладких // *Российский следователь*. – 2016. – № 3. – С. 27–33.
9. Петин И.А. Логические основания вины в уголовном праве / И.А. Петин // *Российский следователь*. – 2009. – № 17. – С. 19–21.
10. Недопекина Т. Проблемные аспекты преступного легкомыслия в правоприменении / Т. Недопекина // *Уголовное право*. – 2009. – № 5. – С. 52–54.
11. Гонтарь И.Я. Содержание преступлений с двумя формами вины / И.Я. Гонтарь, Т.С. Коваленко // *Адвокат*. – 2012. – № 10. – С. 9–25.
12. Агапов А.Б. Корреляция публичных и цивилистических форм вины / А.Б. Агапов // *Административное и муниципальное право*. – 2016. – № 9. – С. 791–798.
13. Friedman D.D. *Law's order: what economics has to do with law and why it matters* / D.D. Friedman. – Princeton: Princeton University Press, 2000. – 337 p.
14. Harel A. *Economic Analysis of Criminal Law: a Survey* / A. Harel // *Research Handbook on the Economics of Criminal Law*. Edit. Harel A., Hylton K.N. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2012. – P. 10–50.
15. Гринберг М.С. Преступное невежество / М.С. Гринберг // *Правоведение*. – 1989. – № 5. – С. 74–79.
16. Канашина О.А. *Взаимная вина в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук* / О.А. Канашина. – Самара, 2006. – 20 с.

REFERENCES

1. Cooter R., Ulen T. *Law and economics*. 6th ed. New York: Prentice Hall, 2011. – 576 p.
2. Posner R.A. *An Economic Theory of the Criminal Law*. *Columbia Law Review*. 1985. Vol. 85. № 6. – pp. 1193-1231.
3. Greenberg M.S. *Crime against public security in the field human-technology interactions*. Doct. Diss. Thesis. Sverdlovsk, 1973. 34 p. (In Russ.)
4. Kvashis V. E. *Criminal negligence (criminological problems)*. Doct. Diss., in: *Selected works on criminal law and criminology (1967-2014)*. Saint-Petersburg: Law center, 2015. – 1040 p. (In Russ.)
5. Soktoev Z. B. *Causality and objective side of the crime: monograph*. M.: NORMA, INFRA-M, 2015. 256 p. (In Russ.)
6. Verin V. P., Vorozhtsov A. S., Demidov V. V., etc. *Scientific and practical guide on the application of the criminal code of Russian Federation*. Moscow, Norma publ., 2005. 928 p. (In Russ.)
7. Shiryayev, A. Yu. *Indirect intent: a legal assessment and demonstration*. *Zakonnost'*, 2016, no 12, pp. 42 - 45. (In Russ.)
8. Gladkikh V. I. *Invitation to discussion: are we satisfied with modern forms of guilt and practice of their application?* *Rossiiskiy sledovatel'*, 2016, no. 3, pp. 27 - 33. (In Russ.)
9. Petin I. A. *Logical grounds of guilt in criminal law*. *Rossiiskiy sledovatel'*, 2009, no. 17, pp. 19 - 21. (In Russ.)
10. Nedopekina T. *Problematic aspects of criminal carelessness in law enforcement*. *Ugolovnoe pravo=Criminal law*, 2009, no 5, pp. 52 - 54. (In Russ.)
11. Gontar I. Ya., Kovalenko T. S. *Content of crimes with two forms of guilt*. *Yurist*, 2012, no. 10, pp. 9 - 25. (In Russ.)
12. Agapov A. B. *Correlation of public and civil forms of guilt*. *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo=Administrative and municipal law*, 2016, no. 9, pp. 791 - 798. (In Russ.)
13. Friedman D.D. *Law's order: what economics has to do with law and why it matters*. Princeton: Princeton University Press, 2000. 337 p.
14. Harel A. *Economic Analysis of Criminal Law: a Survey*, in: Harel A., Hylton K.N. (eds.). *Research Handbook on the Economics of Criminal Law*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2012, pp. 10-50. (In English).
15. Greenberg M.S. *Criminal ignorance*. *Pravovedenie*, 1989, no. 5, pp. 74-79. (In Russ.)
16. Kanashina O.A. *Mutual guilt in criminal law*. *Cand. Diss. Thesis*. Samara, 2006. 20 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бибик Олег Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии

Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского,

644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а

e-mail: olegbibik@mail.ru

SPIN-код: 2670-9299; AuthorID: 495309

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Oleg N. Bibik – Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law and Criminology

Dostoevsky Omsk State University

55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

e-mail: olegbibik@mail.ru

SPIN-code: 2670-9299; AuthorID: 495309

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бибик О.Н. Экономический подход при исследовании категории вины в уголовном праве / О.Н. Бибик // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 4. – С. 98–105. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(4).98-105.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bibik O.N. Category of guilt in criminal law: economic approach. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 4, pp. 98–105. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(4).98-105. (In Russ.).